

**ДЕРЕВЕНСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА О «ТЕМНЫХ СТОРОНАХ»
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КРЕСТЬЯН¹**

Опубликовано: *Зверева, К.Е.* Деревенская учительница о «темных сторонах» педагогической и медицинской культуры крестьян / К.Е. Зверева, В.А. Зверев // «Сибирь – мой край...» : проблемы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Зверева. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. – С. 79–92.

Изучение культуры и образа жизни русского крестьянства Сибири досоветского периода - одно из перспективных направлений в исторических исследованиях, и в этой области в последние годы достигнуты немалые успехи. В то же время многие вопросы остаются изученными слабо. В их числе - факторы, тенденции, формы и первые результаты тех изменений, что знаменовали в конце XIX - начале XX вв. наметившийся в регионе, как и во всей стране, переход от традиционного (аграрного) типа к современному (модернизированному) типу культуры и образа жизни крестьянства.

Несомненно, что одним из факторов, стимулировавших начало указанного модернизационного перехода, являлось влияние на крестьянство сельской интеллигенции и тех социальных институтов, с которыми была связана ее деятельность в селениях: общеобразовательных школ, медицинских пунктов, агрономической службы и др. В этой связи большой интерес представляет изучение тех "образов" крестьянства, народной культуры и традиционного быта, что существовали в общественном сознании сельской интеллигенции на рубеже веков. Эти образы во многом определяли смысл и характер как профессиональной деятельности интеллигентов в сибирской деревне (в той степени, в какой эта деятельность непосредственно не регламентировалась государством), так и иные формы социокультурного воздействия учителей, врачей, агрономов, части чиновничества и духовенства на крестьянскую среду.

В настоящем сборнике мы публикуем фрагменты из мемуарного источника, дающего представление о довольно типичных для значительной части сельской интеллигенции изучаемого периода взглядах на крестьянство, его образ жизни и образ мыслей. Автор воспоминаний - учительница И. К. Чувашева, уроженка Туринского округа Тобольской губернии. Она с 16-летнего возраста преподавала в начальных училищах ведомства православного исповедания - сначала (1898 - 1904 гг.) в школе грамоты д. Сосновка

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 98-01-00133).

Кошукской волости Туринского уезда, затем (с января 1904 г. по крайней мере до ноября 1915 г.) в церковно-приходской школе д. Кантыпка того же уезда. Подлинный рукописный текст воспоминаний хранится в фонде Святейшего Синода РГИА².

Значительная часть текста мемуаров ранее уже опубликована нами³, но в нее не вошли очень важные сведения и соображения мемуаристки о "темных сторонах" - косных и отрицательных, с точки зрения представителя "прогрессивной" части российского общества, проявлениях традиционной педагогической и медицинской культуры туринского крестьянства. В целом мемуаристка относится к крестьянским нравам достаточно толерантно, многие их стороны представлены в воспоминаниях даже с симпатией: гостеприимство, радушие в общении, тяга к просвещению и т. п. Однако Иустиния Чувашева далека от идеализации описываемой социальной среды. Вот одна из типичных ее оценок религиозно-нравственного облика сельчан: о Священной Истории "они и понятия не имели, не говоря уже о Ветхом Завете, но даже и о Новом. Знали, что есть Бог, Пресвятая Богородица, в праздники работать грех, а напиться до потери сознания, даже напоить пьяными своих детей - это ничего, можно и даже должно"⁴.

Характерно, что высказанные критические оценки у мемуаристки не влекут за собой радикализма - стремления к быстрому и коренному преобразованию форм народной жизни, крестьянского сознания и традиционной культуры. И. К. Чувашева заявляет: "Никогда не пропадет доброе семя, посеянное в народе, но ... культурное дело скачками не делается, пройдет целый век, когда оно ... принесет плод. Нужно лишь с верой делать наше маленькое дело, думать, что я лишь ниву расчищаю от сора и терний, другие будут сеять ... но я не безучастный зритель в этой великой работе..."⁵ Проблему взаимоотношений с людьми, причинявшими ей нравственные страдания своей культурной отсталостью и личными обидами, учительница решает в полном соответствии с христианской традицией: "... стараться делать добро ... а озлобление совсем искоренить из сердца"⁶.

В настоящей публикации в основном сохранены особенности литературного стиля, орфографии и пунктуации источника.

[И. К. Чувашева]

Слава Богу за все! Воспоминания деревенской учительницы

² РГИА.Ф.834. Оп. 4. Д.1175. 263 л.

³ См.: Чувашева И.К. Слава Богу за все! // Горница (Новосибирск). 1996. № 3. С. 8 - 29. Первым шагом в осмыслении этого источника стала статья: Зверев В. А. Сотрудничество церкви и школы в сибирской деревне досоветского периода // Русское православие в Сибири: история и современность. Омск, 1995. С.60 - 63.

⁴ РГИА.Ф.834. Оп. 4. Д.1175. Л.51.

⁵ Там же. Л.252-253.

⁶ Там же. Л.251.

ХП

Придется вернуться к весьма тяжелым воспоминаниям. Но раз начала писать все, то напишу и это, пережитое мною в Кантыпке. Разумеется, прежде всего, во всех своих несчастиях человек сам виноват. Виновата и я. Много горьких, тяжелых минут пришлось мне пережить, перестрадать. Пришлось пережить много борьбы из-за учеников, из-за школы. Хотя бы вот такой случай: в школе у меня учились и русские, и инородцы⁷. Последних было очень незначительное количество, и они каким-то образом не участвовали в расходе на школу, который был, кстати сказать, очень незначительный. Однажды в самый урок входит в класс сельский староста со знаком на груди, мужик грубый, упрямый, противник школы. Часто даже поговаривал на сходе, что он участвует в расходе на школу, а у него никто не учится. Вошел он с серьезным видом, помолившись на иконы и, не говоря доброго слова, не дождавшись конца урока, грубо заявляет:

- Книжки у ребят пришел отнимать!

- Какие книжки? Спрашиваю я и жду, что дальше будет, а сердце стучит сильнее, начинаю волноваться. Ученики сжались в кучу, испуганно, вопросительно смотрят на меня, как будто спрашивают, - что будет дальше.

- Ребят из школ выгонять хочу! Продолжает староста.

- Каких ребят?

- Вот этих - Серьгу, Демку, Пашку, Ваньку, Коську. Они не наши, а макары⁸; да что тут толковать! Эй вы, пострелы, вылезайте из-за партей-то, давайте сюда книжки и живо айда домой! Свирепо, свирепо крикнул он им: "Наша школа, мы хозяева, хрестяне, чужих не пустим, отправляйтесь, нечего тут проклажаться".

Я, прежде всего обратилась к ученикам, чтобы они спокойно сидели на местах, вижу - "изгнанники" побелели все, губенки дрожат, глаза полны слез, и я тоже чувствовала себя неважно. Затем попросила старосту не шуметь, не распоряжаться в школе, доказывала, что он не имеет права отказывать ученикам от школы, гнать их вон. Школа существует для всех желающих учиться, а не для одних избранных. Но куда тут! Он и слушать не хотел, - поставил ультиматум, - принесут к воскресенью по 3 руб. с человека - учитесь, не принесут - не ходите в школу. Эта цена, назначенная старостой с вогулов, не только полностью покрывала все расходы общества для школы, но давала еще им избыток. Я попросила принять инородцев в общую раскладку расхода по школе, - что-то около 5 коп. в год с

⁷ Инородцы - в данном случае это манси (старое название - вогулы). В административном отношении они состояли не в крестьянской волости, а в особой "инородческой" управе, поэтому и не платили местных налогов на содержание школы.

⁸ Макары (нарицательное от имени Макар) - в данном случае - "чужие", представители иной социальной среды.

платежной души, - ни за что! 3 р. с человека - и учитесь.

Наконец, хотя и поздно, я догадалась попросить его удалиться из школы, не мешать занятию, что следовало бы сделать с самого начала. Когда он ушел, разумеется, об окончании урока не могло быть и речи. Ученики столпились около меня, "изгнанники" со слезами кинулись ко мне:

- И. К.! Неужели меня выгонят? У тяти денег нет платить, а учиться охота, ох как охота!

-У моего тяти тоже денег нет, - вот подать, побор надо платить, в кассе занял, где уж за меня заплатить?

- У нас за хлеб еще не отданы деньги, силой хожу, тятя хотел в работники отдать, да я выпросился в школу, теперь, если деньги за меня запросят, - вовсе не отдаст меня.

Они со всех сторон облепили меня, цепляются за меня, и не одна горячая детская слеза упала мне на руки. Я собрала свое мужество, чтобы не подать им вида, что не меньше их, пожалуй, волнуясь, успокоила их, дала им слово, что из школы их не выгонят, я ручаюсь за это.

В уме тут же решила - чего бы мне ни стоило - не выпущу их из школы. Так и сделала. Какое тяжелое впечатление произвело на меня все это! "Вот они, - думала я, - настоящие-то тернии учительства. Придет, ворвется грубый человек, своим вмешательством коснется души так больно, так безжалостно грубо. Разве я могу допустить, чтобы моих ребят выбросили отсюда? Ведь они для меня все: и друзья, и товарищи, и цель жизни. Я всю себя, свою молодость, силы, душу им отдаю, живу ими, и вот, хотят оторвать от меня часть моей души и сердца. Где же оно, это всеобщее обучение? Когда придет оно, так желанное, давно ожидаемое, - тогда зависимость от крестьян не будет тяготеть над головой учащихся. Не придет староста, не скажет: "Ты, Васька, учись, а ты, Колька, убирайся вон!".

[...]

В первую субботу после этого случая я поехала к о. заведующему⁹ доложить ему об этом и просить его указания.

Выслушав все внимательно, он посоветовал мне прежде всего успокоиться, не волноваться так по этому поводу, примириться с обстоятельствами. Указал, что везде, во всех учебных заведениях учащиеся вносят плату за право учения. И в данном случае придется примириться с мнением общества, настоять, чтобы деньги были внесены.

Но я знала, что не все они внесут деньги, лишь более состоятельные, а беднота возьмет ребят обратно. С этим я никак не могла примириться.

⁹ 0[тец] заведующий - священник, настоятель ближайшего православного храма. В его обязанности входило, в частности, заведение расположенными в приходе церковными училищами.

Расходы на школу от общества ничтожны, школе много помогает церковь, Отделение¹⁰, так вот и пусть эти ученики "изгнанники" будут как бы стипендиантами церкви или Отделения. Эти мысли я высказала бабушке.

Против этого он ничего не имел, лишь заметил, что если и так мы оставим ребят, на этом основании, все-таки пререкания и не приятности с обществом будут, их не убедить. В результате моей поездки бабушка разрешил мне действовать самостоятельно, как найду лучшим. Я же еще раньше твердо решила, что не выпущу ребят, какую угодно борьбу вынесу, в самом крайнем случае и деньги свои за них отдам, но будут они у меня учиться.

Вот еще случай. Учился у меня в школе мальчик Гриша, любимец бабушки Егора. Два года Гриша посещал школу, бабушка был очень доволен. Гриша ему читал жития святых, записывал, что было нужно. Перешел Гриша в старшее отделение, учится хорошо. Раз в большую перемену входит ко мне бабушка Егор, - суровый, мрачный на вид, проходит в комнату, ученики ушли обедать, некоторые играют во дворе, - я была в комнате. Обращается он ко мне с такими словами:

- Неладно ты Гришутку учишь, ох неладно!

- Как неладно?

- Да так. Спрашиваю вечер у него - "что, мол, тебе задано?" А он мне читает задачу, - все сотни да тыщи, большие тыщи! К чему это нам, хресьянам? Нам этих тыщей-то во сне не видать никогда, не то что наяву. А тут он их считает да записывает. Вот, ономедниеь он учил "Живый в помощи", это дело, без этой молитвы в лес не пойдешь, а тыщи - не надо. Ты учить, так учи ладом, что нам надо, а что ни к чему - это оставь.

Долго я говорила с ним, убеждала, что "тыщи" оставить не могу, должна им обучить, как должна учить и стихотворения, против коих он тоже восставал. С бабушкой-то Егором я могла толковать, хотя не совсем, но все-таки убедила его, что в жизни и "тыщи" знать не мешает. Смотреть издали, не переживая это, покажется пустяками: говорит ничего не понимающий старик, вмешивается ни в свое дело, указать ему на дверь - и только. Но по моей душе такие и т. п. случаи не скользили бесследно, а оставляли глубокий, болящий след, больно ударяли по сердцу. Такие случаи вносили смятение в мою душу. Приношу ли я действительно какую-нибудь пользу окружающим? Не толчение ли воды в ступе все мои старания? Не переливание ли "из пустого в порожнее"? Где настоящая польза? То ли я делаю, что нужно? Сомнения стали мучить меня.

[...]

Бывало, на уроке увлекусь, занимаюсь хорошо, горячо так, объясняю им что-нибудь, - и

¹⁰ Отделение - уездное отделение епархиального училищного совета, церковное учреждение, руководившее в уезде работой школ ведомства православного исповедания.

вдруг - как холодный душ - мысли в голову: "К чему это? Какая цель? Я им объяснила действие деления, или глагол, или другое что; в жизни это, в их крестьянском обиходе - пригодится ли?" И придет мне на мысль дедушка Егор со своими рассуждениями. И как нарочно, мелкие факты жизни влияли на ослабление веры в дело. Приходит солдатка, просит написать письмо мужу. Пишу. Словоохотливая баба сообщает: "Ходила к Степану (окончивший курс ученик), просила его написать, да пятак просит, а у меня едва на марку нашлось".

И вот как мне это больно стало! Пятак! Да разве он не слышал в школе, что не за пятаки нужно делать добро, разве я его так учила, чтобы развить в нем кулачские наклонности? Разве я не боролась всеми силами именно с этим злом, потому что в Кантыпке оно выражено больше, чем где-либо в этой местности? Кулачество - это самое больное мое место - и вот, кто он еще - ребенок, а уже хочет идти по следам своих родичей.

[...]

XIII

Некоторую поддержку упавшему духу давали мне занятия медициной.

Когда я жила еще в Сосновке, мне удалось немножко познакомиться с подачей первой помощи в несчастных случаях, с некоторыми болезнями, уходом за больными и лечением.

Поводом послужило следующее: 8-го ноября в Сосновке местный праздник, напились мужички, как следует, подрались, одного так побили, что еле живого домой принесли, истекал кровью, четыре раны на голове, руки, ноги - все растерзано.

В деревне был случайно становой пристав, бывший фельдшер. Пошел составлять протокол, пригласил меня помочь ему и перевязку сделать.

Я боялась вида крови, но пересилила себя, помогла ему насколько сумела. Пристав сдал больного на мое попечение и уехал.

На следующий день я пришла одна делать свою первую перевязку. Волосы на голове больного от крови слиплись все, пришлось их снять, что я и сделала. Раны промыла раствором борной, присыпала йодоформом (все это мне оставил пристав), и так делала каждый день. Раны хорошо залечились, загноения совсем не было. Мужик скоро поправился.

Тут я увидела, что действительно оказала хотя небольшую помощь. Мне захотелось посерьезнее заняться медициной, чтобы иметь возможность помогать другим.

В тот же год с весны началась сильная эпидемия брюшного тифа. В Сосновку прибыл для борьбы с тифом медицинский персонал. Я попросила разрешения помогать им в уходе за больными, что мне и было позволено. Кроме ухода за тифозными в Сосновке был открыт временный амбулаторный прием с различными болезнями. На приеме я старалась быть как можно чаще, чтобы познакомиться, хотя немного, с подачей первой помощи и лечением

несложных болезнях. Время было свободное - весна и лето, ничто меня не стесняло, свободно могла отдавать свой досуг уходу за больными.

В октябре эпидемия стихла. Медики уехали, снабдив меня аптечкой. Я начала принимать больных после занятия, в будничные дни, а в праздники - во всякое время дня. Врачебный пункт¹¹ отстоит в 90 верстах, врачу не всегда бывает возможность приехать по вызову. Будь какой-нибудь несчастный случай - помощь необходима немедленно, а врач или фельдшер живут в 90 верстах, да еще, быть может, в это время уехали в противоположную сторону верст за сто. Ведь наша матушка Сибирь так богата расстояниями.

Такие случаи, например, были: семилетний братишка в игре своей маленькой сестренке долотом отсек указательный палец, даже отрезанную часть потеряли. Сделать перевязку, остановив кровотечение, было делом не трудным. У одного парня молотильной машиной оторвало три пальца у руки, сорвало мускулы с ладони; ничего, без осложнений прошло, лишь никому не позволяла, кроме себя, делать перевязку, чтобы не загрязнили рану.

Мне кажется, что каждому учащему, живущему в такой глуши, как здешняя, необходимо иметь хотя небольшие познания по медицине и домашнюю аптечку. Какой-нибудь пустяк без немедленной медицинской помощи принимает иногда серьезное осложнение. Напр., заведется в школе чесотка, если не уследить, не вывести ее сразу, то все могут заразиться; сделать же серную мазь против нее нетрудно.

Приходилось мне слышать от некоторых лиц, что не изучавший специально медицину не должен заниматься лечением. Я с этим не согласна. Говорила, и еще раз говорю - что в глухих углах необходимо учителю иметь под руками некоторые медикаменты и быть готовым помочь ближнему.

Если, не изучавшая специально медицину, учительница сделает перевязку раненому, остановит кровотечение, наложит, где нужно, согревающий компресс, окажет помощь при ожоге, даст слабительное, жаропонижающее, успокоительное и т. п., то этим вреда не принесет: будет гораздо хуже, если крестьяне будут лечиться своими наговорами, знахарствами, средствами, вроде порошка из сушеных воробьев, медвежьей желчью от чахотки, пить медные опилки при ушибах, и кое что еще похуже.

Приучая народ пользоваться медицинскими средствами, этим можно подорвать их вредные суеверия.

В серьезных случаях, не зная как поступить, всегда можно написать участковому врачу, вызвать его; когда он осмотрит больного, поставит диагноз, назначит лечение, может сдать этого больного на попечение учащего. Уж не так трудно после занятия сходить к больному,

¹¹ Врачебный пункт - центр сельского врачебного участка с обширной территорией, в штат которого в начале XX в. обычно входили участковый врач, фельдшеры, акушеры и оспопрививатели. Медики оказывали помощь больным как стационарно во врачебном пункте, так и во время разъездов по участку по вызовам сельских и волостных правлений

смерять температуру, подать лекарство, следить за ходом болезни. Когда "выходишь" трудно больного, особенно ребенка, то с этой радостью ничто не сравнится.

Бывают огорчения, без этого нельзя, но скажите мне - где их не бывает?

Об этих огорчениях я потом скажу немного, а пока приведу список моей аптечки:

Фенацитин	Борная кислота
Хинин	Антифибрин
Каломель	Сода
Доверов порошок	Серный цвет
Йодоформ	Ихтиол
Марганцево-кислое кали	Касторовое масло
Висмут	Нашатырный спирт
Свинцовый сахар	Вазелин.
Бертолетова соль	Ментол
	Цинк для мази

Тинктуры:

Опий.	Спорынья.
Валериановые капли	Ромашка.
Йод.	Ляпис
Анисовые капли	Камфора.
Капли Датского Короля	Тресковый жир
Капли Иноземцева	Различные пластыри
Зубные капли	Бинты.
Цинковые для глаз	Марля.
Арника	Гигроскопическая вата.
Скипидар	Карболовая кислота
	Сулема для дезинфекции

Принадлежности аптечки:

Роговые весы	Мензурка на 50 грамм
Разновес.	Стеклянная воронка
Термометр.	2 роговые ложки
2 ступочки	Клистирная кружка

Вот и все, чем могу располагать. Лекарствами меня всегда снабжал участковый врач, пополняя аптечку, покупать их приходится очень мало. Принадлежности же аптечки постепенно приобретала на свои средства.

А вот и темные стороны этого - не темные, а вернее - печальные недоразумения, огорчения.

В одну осень - в конце сентября появилась эпидемия, чего - не могла понять. Температура высокая, симптомы у всех почти одинаковы, похожи на брюшной тиф, который я еще в Сосновке изучала, но проходит быстрее. Даю жаропонижающее, слабительное, делаю компрессы, обертыванья, а болезнь определить не могу. Случая 2-3 смертных; значит что-то серьезное. Доктора вызвать нельзя, 90 верст расстояния - это еще не беда, но дело в том, что

бездорожица, погода непостоянная: река то застынет, нельзя ходить и ездить, то совсем распустится. Кое-как к 12-му ноября установилась санная дорога.

А болезнь тем временем развивалась все сильнее.

Приехал доктор, пригласил старосту и просит его указать ему, где больные.

- Нет больных, ваше благородие!

- Как нет?

- А очень просто, все здоровы, нет у нас никакой болести в деревне.

Так доктор ничего и не добился от старосты.

Приходит ко мне и сообщает результат своей беседы со старостой.

Всех больных я знала наперечет, потому что к каждому вновь заболевшему всегда меня приглашали. Оделась, пригласила доктора пойти со мной в те дома, где есть больные.

Больных мы нашли 18 человек, и доктор определил сыпной тиф, который уже принял форму эпидемии, так как изоляции никакой не было.

В обходе нашем больных не обошлось без курьезов: подходим к дому, где была больная девушка лет 17, мать выбегает на крыльцо и поспешно спрашивает меня:

- С кем ты идешь?

- С доктором.

- Так сама-то ты иди, а ты, барин, уж подожди на улице, тебя я в избу не пущу, потому что Палагея у меня потеть начала, неровно ты ее изурочишь!

Как мы ни уговаривали бабу, чтобы пустила нас в избу, - ни за что! Одну меня приглашает, а с доктором - на порог не пускает. Старались доказать ей, что если Палагея начала потеть - значит кризис идет, и помощь доктора нужна в это время - нет, не пустила и кончено. И в других домах на посещение доктора косо посматривали, как будто говорили: "Что ему нужно? Зачем он пришел? Еще уморит, пожалуй". На вопросы его о времени заболевания, ходе болезни давали весьма неохотно ответы.

После обхода больных доктор призвал старосту, сказал, что болезнь заразительная, больных нужно отделить, найти квартиру для временной больницы, приедет эпидемический врач, сестра милосердия, за больными будет правильный уход.

Когда обсуждался этот вопрос на сходе, то единогласно постановили: квартиры не нанимать, медицинский персонал не принимать, а уж если Бог спустил горячку - Его воля, доктора тут ни причем.

Доктор уехал, не добившись ничего. Между тем эпидемия усиливалась больше и больше, в некоторых домах лежала вся семья, поголовно; здоровые из соседних домов ходили к больным иногда без всякой надобности, просто "попроведать", заражались, переносили болезнь в свои дома. Меня приглашали к вновь заболевшим, но что я могла сделать с так

развившейся эпидемией? Кроме советов об уходе - ничего. Но от посещения больных все-таки ни разу не отказалась, хотя мучило сомнение, ведь сыпной тиф - не брюшной, передается и через воздух, не занесу ли я его в школу? И как на грех, у меня два ученика заболели тифом.

Через несколько времени приехал доктор, но не один, вместе с ним приехали - пристав и исправник. Они решили настоять на изолировании больных и этим прекратить дальнейшее развитие эпидемии.

На сходе подняли настоящий бунт: «Ни за что, никого нам не надо! Больных не дадим, всех уморят доктора, "Христову горячку" не остановишь, уж если кому Бог велит умереть - докторам не помочь». Бунтовали и шумели так сильно, что пришлось исправнику некоторых главарей посадить под арест. Но несмотря ни на какие меры - ни на увещания, ни на строгость, ни на разъяснения, как опасна зараза - полиции и доктору не удалось убедить их в пользе правильного лечения и изоляции. Так все они и уехали не добившись ничего, кроме вооружения крестьян против ... меня.

Выпущенные из под ареста мужики очень были обижены своим наказанием, что им пришлось за "мир" посидеть. Обсуждая свое заключение на сходе, им пришло в голову, что во всем этом я виновата.

"Ребята, учительнице не хочется самой ходить к больным, так она и вызывает докторов и фершалов, чтобы самой дома сидеть".

- А ведь и правда, ребята, если б не она - начальство никогда не узнало бы, что у нас горячка, не наехало бы; похворали, похворали бы, кому Бог привел - выздоровели, умерли, Его воля, она, она виновата. И много неприятных вещей наговорили обо мне по поводу моего участия в эпидемии, пришли к тому заключению, что мне "самой лень ходить", так и выписываю докторов.

Такой отзыв о моем участии в эпидемии не порадовал меня, тем более, что я всегда охотно шла к больным, посещение их меня не тяготило нисколько.

И вот они это мое добровольное участие приняли уже как бы за обязанность, если приедет доктор, приступит к исполнению своих прямых обязанностей - значит он меня заменяет... Больно было это очень. "Ну, - думаю, - за что они вооружились против меня? Вот, первую мысль в моей виновности подал И. С., а давно ли я сидела почти целую ночь у постели его сына, следя за кризисом и делая, что нужно, чтобы поддержать его слабеющее сердце? Вот сын его поправляется, а он все-таки так "отблагодарил" меня, что мне никогда не забыть. Кроме того, к каждому больному из его семейства я всегда охотно шла, и они ко мне обращались даже чаще других. Тогда зачем же они идут ко мне? Теперь всех вооружили против меня, за мое вмешательство в эпидемию".

А эпидемия из Кантыпки перешла уже в другие деревни - развозили ее, приняла угрожающие размеры. Пока на время прислали на всю волость ротного фельдшера, он ездил по деревням, и лишь регистрировал вновь заболевших, доносил врачу. Врач же приезжал два раза в месяц, потому что бороться на месте с эпидемией без изоляции невозможно.

[...]

К весне эпидемия понемногу стала спадать. Боль, нанесенная по поводу ее, не проходила. У меня даже явилась мысль - окончательно уничтожить аптечку, прекратить прием больных, коих средним числом приходилось принимать не очень большое количество - человек 70 в месяц, не более. Но это решение не пришлось исполнить, не могла отказать им, когда приходили ко мне или просили навестить их.

Особенно много пришлось ходить в эпидемию скарлатины, через год после тифа, тут болели дети, многие из моих учеников, их братья, сестренки.

Одним из первых пригласил меня И. С., который поднимал бунт против меня. У него сразу заболело трое детей, каждый день ходила к ним, делала смазывание, ванны. К детям я относилась внимательно, любовно, но с хозяином дома не могла говорить, сделаю что нужно, дам указания матери, а его упорно не замечаю, хотя он всегда стоял у кровати своих детей, смотрел, что я делаю, при уходе благодарил меня и говорил: "Не брось, завтра приди еще, дай тебе Бог здоровья!"

После скарлатины - эпидемических заболеваний не было, жизнь шла обычным порядком.

[...]

РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1175. Л. 168 - 180, 190 - 209, 215 - 216.

Подлинник.